

Н. А. КАЧАЛОВ

Из «Записок»

<Фрагменты>

<...> Приступаю к описанию важнейшего в моей жизни обстоятельства — к знакомству с цесаревичем, ныне благополучно царствующим государем императором Александром III. В декабре 1867 года состоялось очередное губернское земское собрание, и во время его заседаний я получил из Петербурга письмо от князя В. П. Мещерского, в котором он спрашивал меня, когда я буду в Петербурге, и просил его посетить. Я отвечал, что полагаю быть в Петербурге в начале января и непременно у него буду. Кажется, я приехал в Петербург 4 января 1868 года и в тот же день был у Мещерского, жившего в доме своего родственника Карамзина в Большой Морской¹, в очень скромной квартире. Князь принял меня очень любезно и просил приехать к нему вечером совершенно запросто.

В 8 часов вечера я был у князя, нашел квартиру парадно освещенную, приготовленный парадный чай, но гостей не было. Вскоре раздался звонок и вошел цесаревич совершенно один. Мещерский меня представил, и цесаревич сказал мне следующие замечательные слова, сколько я припомню, следующего содержания, ежели не буквально, то верно по смыслу:

— Я не готовился к той роли, которую мне дала неожиданная смерть моего старшего брата, и я вполне бы счел себя счастливым быть первым слугой моего отца, а потом брата. Я сознаю, что я не приготовлен к моим будущим обязанностям; садиться на учебную скамейку уже поздно, и потому мне приходится дополнять свое воспитание практическими сведениями, и первоначально, конечно, необходимо познакомиться подробно с экономическим положением наших провинций. Я просил князя Владимира Петровича объехать Россию и передать мне собранные им сведения, но князь нашел,

что собранные им сведения недостаточны, и рекомендовал вас, как знатока земского дела.

Можно вообразить, как я был поражен таким предложением. Этот замечательный вечер прошел в разъяснении разных земских вопросов², и затем много вечеров я провел у цесаревича в Аничковом дворце; в собраниях этих участвовали: К. П. Победоносцев, профессор Бабст и кн[язь] Мещерский; кажется, я по этому делу пробыл в Петербурге 2 недели.

1868 год <...> был год голодный во всех северных губерниях, и в особенности в Архангельской. Газеты подняли этот вопрос, все сведения из голодающих местностей описывали бедствие простого народа, и государь приказал принять решительные меры для оказания пособия голодающим и немедленно открыть комитет или комиссию для сбора добровольных пожертвований и вообще для пособия голодающим. Не знаю, кому принадлежала счастливая мысль назначить председателем комиссии цесаревича. Имя его привлекло пожертвования, и он приобрел много практических сведений. Наследник был еще молод, подобными делами не занимался, и, для осторожности, ответственным председателем комиссии назначили генер[ал]-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, а наследника почетным председателем. Первые заседания действительно вел Зиновьев, но скоро цесаревич вошел в дела и был настоящим председателем комиссии. Сколько я помню, состав комиссии был следующий: председатель Зиновьев, члены: петербургский губ[ернский] предводитель двор[янского] граф Орлов-Давыдов; от Министер[ства вн[утренних] дел тайный советник Шумахер; от путей сообщения генерал барон Дельви́г; от уделов тайный советник Никол[ай] Тютчев; от Мин[истерства] госуд[арственных] имущ[еств] ст[атский] сов[етник] Боровков, он же делопроизводитель комиссии; от Петерб[ургского] Биржев[ого] комит[ета] Брант и Быков; от московского купечества Кокорев; рыбинского — И. А. Милютин. Остальных не помню; приглашалось в комиссию много экспертов из голодающих местностей³. От земства, по личному желанию цесаревича, был назначен я один.

Мин[истр] вн[утренних] дел Валуев был оскорблен открытием этой комиссии, как доказательством, что министерство не может справиться с делом, составляющим главнейшую его обязанность; при этом все официальные сведения губернаторов доказывали, что голода нет и существует только недостаток продовольствия, который искусственно раздули в голод. Ежели бы комиссия не находилась под председательством цесаревича, то ее бы закрыли по настоянию Валуева, но все сведения получались прямо цесаревичем, передавались непосредственно государю, и комиссия устояла.

Первые заседания комиссии были заняты чтением официальных сведений, где утверждалось, что голода нет, но потом читались сведения земства и достойных доверия частных лиц, по которым оказывалось, что существующий голод требует немедленной помощи. Вследствие такого решения миссии признаны официальные сведения неверными, и Валуев оставил министерство, и вместо него назначен ген[ерал-] ад[ъютант] Тимашев. <...>

Комиссия собиралась 2 раза в неделю и помещалась в Аничковом дворце, в библиотеке цесаревича. Я на каждое заседание приезжал из Новгорода. Первоначально от имени цесаревича были разосланы приглашения на подписку, которая пошла очень бойко и доставила комиссии до 2 мил[лионов] рубл[ей]. Как обыкновенно бывает, в нашей комиссии образовалось 2 партии: первая — Зиновьева, официальная, поддерживающая правительственные сведения и взгляды, и вторая — земская, практическая. Покойный Николай Васильевич Зиновьев был, безусловно, честнейший и благороднейший человек, но всю жизнь прошедший в застегнутом мундире и поклонник легальности и формы, хотя бы в ущерб действительности; при этом скопидом и с большим трудом соглашался выдавать собранные деньги, когда эта выдача не была обставлена всевозможными справками и формальностями. К партии принадлежали: Шумахер, Тютчев, барон Дельвиг, Брант. Затем, вторую партию составляли мы все остальные члены и Боровков. К нашей партии присоединились все приглашаемые в комиссию эксперты и, наконец, к нам присоединился и цесаревич, бывший сначала только внимательным слушателем прений. В таком составе наша партия имела на своей стороне большинство голосов. Гр[аф] Орлов-Давыдов был нейтральным членом, но мало говорившим. Заседания комиссии продолжались без выдающихся обстоятельств до конца февраля, когда случилось необыкновенное дело. В феврале 1868 года только что по разосланным объявлениям пожертвования поступали слабо и к концу февраля поступило в кассу комиссии с небольшим около 100 000 руб[лей], между тем выяснились следующие обстоятельства по хлебной торговле. Главная забота правительства и существеннейшее пособие во время бедствия от голода заключается в том, *чтобы на рынках было достаточно продажного хлеба по возможно дешевым ценам*. Впрочем, об этом следует заботиться и без существования голода, так как при недостатке продажного хлеба будут голодать не только люди недостаточные, но и достаточные. Главные запасы продажного хлеба для северных губерний собираются на пристанях реки Волги, к которым подвозится хлеб на подводах в течение существования зимнего санного пути. Главные покупатели, конечно, купцы, но во время подвоза хлеба каждый может покупать с возов, и это, с одной стороны, не по-

зволяет купцам понижать цены хлеба, а с другой стороны, держит доступные цены для постороннего покупателя.

Подобное положение прекращается с падением зимнего пути и с прекращением подвоза к пристаням хлеба гужом. Немедленно делается известным, сколько на каждой пристани собрано хлеба, и купцы, до тонкости знающие, в какой местности и сколько необходимо для покупки хлеба, сейчас и определяют пропорцию запасов с потребностями и, в случае превышения последних, цены на хлеб поднимаются иногда до 3 руб[лей] на куль. Ввиду этого комиссия признавала выгодность покупки хлеба в настоящее время и постановила ассигновать на эту покупку все находящиеся в ее распоряжении деньги. Покупка эта была поручена Ивану Андреевичу Милютину. Затем, комиссия признавала незначительность покупаемой партии хлеба, была уверена, что дальнейшая подписка доставит значительные средства комиссии, и была высказана мысль, что комиссии было бы выгодно получить заимообразно из казны крупную сумму, употребить ее на покупку хлеба и уплатить из последующих сборов. При этом было высказано, что операцию эту следует сделать быстро и секретно, чтобы при такой крупной покупке не подняли цены купцы, у которых были собраны запасы. Цесаревич при этих обсуждениях не принимал никакого участия и, казалось, не обратил на это дело особого внимания.

По закрытии заседаний комиссии цесаревич уходил раньше, в мы оставались еще некоторое время для личных разговоров. Так и в этот день мы оставались в библиотеке несколько времени. Подле библиотеки расположена столовая, из которой противоположная дверь [ведет] в гардеробную и кабинет цесаревича, а налево — дверь на лестницу, по которой мы расходились по домам. В столовой постоянно находился камердинер цесаревича. По проходе мною столовой, камердинер тихо передал мне, что цесаревич просит зайти к нему в кабинет. Я нашел цесаревича в большой ажитации, и он начал с того, что настоящие выяснения комиссии произвели на него сильное впечатление, что он хочет просить у государя заимообразно миллион и, в случае успеха, просит меня принять на себя покупку хлеба на этот миллион. Можно вообразить, как я был удивлен подобным предложением. Одумавшись немного, я счел своим долгом отвечать следующее: что я хотя и долго занимался сельским хозяйством, но, как помещик, умею производить хлеб, но торговля им составляет особую серьезную специальность, требующую знания этого дела и особой смышленности и ловкости, и для этого дела я положительно не гожусь, но что в комиссии находится Ив[ан] Ан[дреевич] Милютин, вполне подходящий к этому делу; это человек умный, знающий до тонкости дело, честный и, польщенный доверием его высочества, исполнит это поручение хорошо. Цесаревичу

невозможно вести лично это дело, входить во все расчеты, и я предложил себя, как бы поверенного цесаревича по всем сношениям с Милютиным, оставляя его единственно ответственным, но при этом самостоятельным. На это согласился цесаревич. Затем я счел своею обязанностью доложить цесаревичу результат подобной небывалой операции: ни один из членов царской фамилии не занимался подобными операциями, и цесаревич, которого еще мало знает Россия, превосходно отрекомендуется такой человеколюбивой, общенародной мерой. Кроме того, операция эта даст много сведений и приохотит к общению с народом и заботливости о его нуждах. С этой стороны предположение цесаревича я признаю Божиим благословением; но медаль имеет 2 стороны, и я считаю долгом объяснить и эту сторону. Дело это не может оставаться долго в тайне, и когда откроется, то произойдет следующее: все окружающие и близкие люди цесаревича будут обижены, что он начал это дело секретно от них и поручил постороннему лицу, подарив его доверием, на которое они имеют более прав. Затем, большинство даже хороших людей найдут, и не без основания, что цесаревичу не прилично заниматься торговыми делами и тем ронять свое достоинство, и, конечно, будут убеждены, что я ввел вас в такое неудобное положение. Обращаясь к экономической стороне этой операции, необходимо предвидеть следующее: цель покупки *теперь* хлеба основана на *предположении*, что летом цена хлеба поднимется, купленный теперь хлеб продается по дешевой цене земству, занятый миллион возвратится в Госуд[арственное] казначейство и народ получит пособие в виде разницы дешевых настоящих и возвышенных летних цен. Предположение это основано на теории вероятностей, но торговля часто встречает сюрпризы, и очень может случиться, что летом цены понизятся против настоящих и занятый миллион не возвратится полностью в Госуд[арственное] казначейство. По моему мнению, потеря 100 или 200000 р[ублей] не составляет особой беды ввиду основательных предположений существенно пособить голодающим, но этого не простят все противники этой операции. На основании этого факта они будут иметь повод говорить, что подобный результат можно было предвидеть, толки эти могут повлиять на государя и затормозят надолго практическую деятельность цесаревича. Про меня же и Милютина все скажут, что мы украли деньги. Цесаревич все это внимательно выслушал и сделал один вопрос:

— Вы за себя не боитесь?

И я, взволнованный, отвечал: «Не боюсь, ваше высочество, и вот почему: Господь сподобил меня помогать наследнику русского престола войти в народную деятельность, последствия которой неисчислимы, а при этом, что значат тысячи Качаловых, хотя бы и погибших»⁴. На это цесаревич объявил, что и он не боится и при-

мется писать письмо к государю, которое представит лично завтра утром, и меня просит перед комиссией зайти в кабинет узнать результат. На другой день цесаревич мне объявил, что государь мило принял его ходатайство, обещал поговорить с министром финансов⁵ и скоро дать ответ.

Заседания комиссии в библиотеке продолжились в этот день без перерыва, обыкновенным порядком и окончились в обыкновенное время около 4 часов. При проходе через столовую, камердинер пригласил меня зайти в кабинет, где встретил радостный цесаревич и показал свое письмо к государю, поданное утром, на котором была сделана государем надпись, что он приказал министру финансов передать в распоряжение цесаревича миллион рублей. С этого же дня было приступлено к покупке хлеба на этот миллион. И. А. Милютин с полной готовностью принял на себя это поручение и в тот же день выехал из Петербурга для исполнения. Я написал Милютину инструкцию, которую подписал цесаревич, и я полагаю, что Иван Андреевич хранит этот документ как семейную драгоценность.

Передача миллиона потребовала несколько дней, а между тем Милютин торопился с отъездом и ему была необходима на задатки солидная сумма. Цесаревич из своих сумм приказал конторе выдать около 120000 рубл[ей] Милютину, не объясняя на какой предмет, и, когда будут возвращены эти суммы, контора не знала. Сумма, выданная Милютину, составляла наличность всех сметных сумм на содержание двора и дворца цесаревича. Члены царской фамилии никогда не распоряжаются своими средствами, а тем более в очень молодых летах, в которых находился цесаревич. Поэтому можно вообразить переполох конторы, у которой цесаревич отобрал все наличные средства, не объяснив их пополнение. Переполох этот еще увеличился, когда через несколько дней цесаревич приказал конторе принять из Госуд[арственного] казначейства миллион, из которого возвратить, кажется, 120000 руб[лей], взятых из конторы, а остальную сумму разассигновать по моему указанию, опять не объясняя на какой предмет. Милютин сам, через брата⁶ и приказчиков, одновременно открыл покупку хлеба в 12-ти местах по Волге на пристанях и в 2 недели купил, кажется, около 160000 кулей ржаной муки с небольшим по 6 р[ублей] куль с доставкой в Рыбинск. Цена эта была очень сходная, во-первых, потому, что Милютин платил сполна чистые деньги, а во-вторых, потому, что купцы не знали размера партии, покупаемой Милютиным, и по чьему распоряжению покупка производится.

Все распоряжения комиссии печатались в газетах⁷, и купцам было известно, что Милютину поручено комиссией купить около 12000 кулей, и на каждом пункте продажи полагали, что Милютин только это количество и покупает. В это время деньги каждому купцу нужны

для приготовления к навигации, и потому они охотно уступали дешево для оборота незначительную часть своих запасов. Сведения о ходе хлебной торговли на пристанях получаются купцами чрезвычайно быстро, и когда купцы узнали, что Милютин купил хлеба на миллион, полученный от цесаревича, то просто ошалели, и этот переполох сделал операцию цесаревича чрезвычайно удачной. До милютинской покупки запасы хлеба на пристанях были не особенно значительные и едва соответствовали потребностям местной, внутренней надобности и заграничному отпуску, и потому цены на хлеб должны были подняться. Узнав о миллионной покупке цесаревича, купцы полагали, что за первым миллионом ассигнуются и следующие, бросились покупать хлеб и увеличивать свои запасы, на что употребили и полученный от Милютина миллион и много прибавили своих средств. Этому много помогла погода; стояли морозы, поддержали зимний путь и способствовали к подвозу хлеба к пристаням, и запасы превысили потребность.

В Новгородской губернии <...> употреблялись значительные меры к удешевлению продажного хлеба, и земство могло понижать цену только до 9 рублей за куль. В течение лета сборы начали поступать усиленно, занятый миллион возвращен, и комиссия оказывала пособие и деньгами и потом помогла 160000 кулей хлебом, большею частью даром, а частью продажей по 6 р[ублей]. Во всяком случае, каждый куль дал пособия по 3 рубля, следовательно, употребленный миллион в 6 месяцев принес 50% и много способствовал к противодействию возвышения цен.

Счастливые результаты этой операции сознали все члены комиссии, но сознали только в августе, когда она окончилась, но до этого я должен был вынести пропасть неприятностей, обвинений и даже клеветы. Один цесаревич ни одним словом не усомнился в моей и Милютина честности и не лишал нас полного доверия. Гонения на меня и толки, что по моей милости у цесаревича происходит что-то неладное, начались со времени передачи Милютину задатка из дворцовых сумм и усилились по появлении миллиона разассигнованного по моему указанию неизвестным конторе лицам и неизвестно на какое употребление. По плану Милютина покупка производилась одновременно в 12-ти пунктах и на наличные деньги, и потому на эти пункты, на имя Милютина и его поверенных, необходимо было ассигновать назначенные им суммы, и лица эти конторе не были известны, и контора видела только одно, что миллион по моему указанию моментально улетучился.

Когда, наконец, открылась операция цесаревича, то поднялась целая буря. Более всех был оскорблен почтенный Николай Васильевич Зиновьев недоверием к нему цесаревича, как к бывшему его воспита-

телю и действительно почтенному человеку. Еще более Зиновьев был перепуган тем, что я втянул цесаревича в спекулятивную операцию, которая может провалиться и высокое лицо наследника русского престола может подвергнуться общему и справедливому нареканию. Эта последняя мысль тревожила почтенного старика более укола собственного самолюбия. Я старался успокоить Николая Васильевича, но безуспешно, и он не без основания говорил: «Помилуйте, я старик, крупный помещик, до старости сам направляю крупное хозяйство и должен иметь опытность, но я никогда не решился бы советовать цесаревичу, молодому и неопытному, подобную рискованную операцию, которая, по мнению всех опытных коммерческих людей, непременно провалится». Этот опытный коммерческий человек был член комиссии, председатель Петербургского биржевого комитета Брант, разжиревший на банковских кунштюках немец и поэтому чванливый, но в деле, порученном Милютину, ничего не понимающий, и, конечно, не мог бы исполнить этого так, как Милютин. Брант был также оскорблен, что его обошел цесаревич, и потому он постоянно, сколько мог, вредил мне, распуская неблагоприятные слухи. Цесаревич любил и уважал Зиновьева и, я полагаю, потому не обратился к нему, что ожидал, что он будет отговаривать его от этой операции, на что цесаревич твердо решился.

Милютин наконец окончил свое поручение и представил цесаревичу отчет. Поставка хлеба в Рыбинск должна была быть исполнена по открытию навигации, и дело это требовало наблюдения и управления. Само собою разумеется, что цесаревич не мог сам заниматься этим делом, и оно было передано в комиссию. Когда Милютин представил в комиссию свои отчеты, то Зиновьев пришел в ужас. Из отчета для него было ясно одно, что миллион издержан, но что на этот миллион сделано? Представленные Милютиным доказательства Зиновьев признавал положительно неудовлетворительными. Зиновьев в продолжение 50-летней своей службы привык считать казенный порядок при всякого рода покупках безукоризненным. По его мнению, были положительно необходимы публикации, торги, справочные цены, контракты и залогов, а у Милютина ничего этого не сделано, и все документы состоят в расписках купцов в получении денег и в обязательстве представить в Рыбинск известное количество кулей муки. Зиновьев сознавал, что хлеб куплен дешево и что расписки даны купцами солидными, но небрежность документов его возмутила и пугала. В особенности его поражала расписка богатого нижегородского купца Блинова⁸, который на листе серой бумаги огромными буквами криво написал, что обязуется поставить 50000 кулей и 300000 рубл[ей] получил. Эта расписка не давала Зиновьеву покоя. Много раз эту злосчастную расписку выклады-

вал передо мною Николай Васильевич и с ужасом восклицал: и это расписка на 300000 р[ублей]! Желая сколько-нибудь успокоиться, Зиновьев спрашивал меня, где сложен купленный Милютиным хлеб и нельзя ли послать его осмотреть, на что я должен был отвечать, что складов собственно этого хлеба не существует, что они находятся в общих складах купцов и они сами не знают, какие именно кули поступят на исполнение заключенного Милютиным обязательства. С открытием навигации и наступлением срока поставки каждый купец остановит в Рыбинске ту партию, которая ему будет удобна, а найдутся и такие, которые найдут выгоднее, при наступлении срока поставки, купить хлеб в Рыбинске. Все это для почтенного старика было непонятно, и он успокоился только тогда, когда, при наступлении навигации, весь хлеб был доставлен ценностью на 3 рубл[я] на куль дешевле существующих цен. Комиссия распорядилась продажей земству по своим ценам или выдавала безвозмездно, и те и другие подучали хлеб прямо от купцов, и комиссия не употребила ни копейки на прием и хранение хлеба. До успокоения почтенного Николая Васильевича и опровержения распускаемой клеветы прошло много тяжелых месяцев, тем более что и в управе шла горячая работа по случаю громадной хлебной операции, заваренной по случаю голода. Вспоминая это время, я не могу надивиться особой милости Божией и своей смелости и энергии взять на себя громадную ответственность, как по операции хлебной управской, так и цесаревича; повторяю, велика милость Господня.

Последнее заседание комиссии было в августе в Александрии⁹, во дворце цесаревича, где между прочим была выяснена вся польза от операции цесаревича и что миллион был возвращен полностью в Государственное казначейство. Цесаревич искренно благодарил меня и Милютина, и все члены встали и выразили нам свои поздравления. Нет никакого сомнения, что Брант и подобные ему члены благодарили не искренно, но наша партия действительно была рада счастливому результату этой операции. Затем почтенный Н. В. Зиновьев совершенно успокоился, остался доволен мною и Милютиным и до самой смерти сохранил доброе ко мне расположение. Вскоре комиссия была закрыта, и мы откланялись цесаревичу и цесаревне. При этом цесаревич, пригласив меня в кабинет, сказал, что он хочет просить государя дать всем членам награды и спрашивает меня, какую я желаю награду? На это я взял смелость отвечать, что, избрав земскую деятельность, служебные награды для меня не имеют значения, а напротив, земство смотрит на награды своих выборных недружелюбно, и я бы счел высшей наградой рескрипт его высоч[ества] с выражением его благоволения. На это цесаревич отвечал, что он не может сказать этого государю, а также не может

меня пропустить при представлении всех членов комиссии, и я отвечал, что предоставляю этот вопрос усмотрению его высочества.

Дело это было передано Н. В. Зиновьеву, и, по его предположению, решено было просить мне крупной награды, производства из отставных капитан-лейтенантов в действит[ельные] статс[ские] советники, прочие члены представлялись также в соответствующие награды, но, конечно, все вне правил. Это предположение цесаревича сделалось известно мин[истру] вн[утренних] дел Тимашеву. В это время государь был за границей и при возвращении останавливался в Варшаве, куда выехали все министры. Тимашев при докладе государю доложил о предположении цесаревича представить к крупным наградам членов комиссии, причем дополнил, что устройство комиссии был крупный факт недоверия к Мин[истерству] вн[утренних] дел, и ежели будут утверждены такие награды, то подтвердится, что недоверие к Министерству было справедливо. Под таким впечатлением государь возвратился в Петербург. Цесаревич представил государю свое представление, и его величество, под впечатлением доклада Тимашева, препроводил это представление на рассмотрение Комитета министров, чем произвел страшный переполох. Обязанность Комитета министров при рассмотрении наградных представлений заключается в том, чтобы утверждать только награды, которые следуют на буквальном законном основании. Все награды, представляемые цесаревичем, были вне правил и Комитетом, безусловно, должны были быть отказаны, и перед таким скандалом Комитет остановился.

Это обстоятельство было доложено цесаревичу, чрезвычайно оскорбило его и Зиновьева, и представление это цесаревич взял назад, не допустив до его рассмотрения Комитетом; казалось, награды наши окончательно похоронены. Досада цесаревича увеличилась еще тем, что чиновники, командированные министерствами в канцелярию комиссии, все получили награды по представлению своих министров, тогда как представление цесаревича не уважено. Не помню, в сентябре или октябре этого года я утром приехал в Царское Село, где жил государь и вся царская фамилия и где также жили Посыет и Зиновьев. Заехав к последнему, я нашел его в полном мундире и сильно взволнованного. На вопрос мой, что его так беспокоит, почтенный старик отвечал, что его убивает отношение государя к цесаревичу, который взрослый и даже женатый человек, а между тем не имеет никакой самостоятельности, что глубоко оскорбляет молодого человека, жаждущего дела. На основании этого Николай Васильевич испросил у государя аудиенцию, на которой с полной откровенностью выскажет все, что накопилось на душе, и через час просил к нему заехать, чтобы узнать о результатах этого замечательного свидания. Зиновьев отправился во дворец, а я, сделав несколько

визитов, приехал к К. Н. Посьету, которого нашел только что возвратившимся от государя. Конст[антин] Никол[аевич] передал мне, что он вошел в приемную государя в то время, когда в кабинете у него был Н. В. Зиновьев и был слышен горячий разговор, наконец, поцелуи, и оба вышли с заплаканными глазами. Я объяснил Посьету, что знал от Зиновьева, и уговорил сейчас же ехать к Николаю Васильевичу, чтобы узнать подробности. Мы нашли почтенного старика в радостном настроении духа, и он передал следующее: Николай Васильевич подробно объяснил тяжелое положение цесаревича, который, быв первым помощником своего отца и государя, не имеет десятой доли доверия и самостоятельности, предоставленной каждому министру, и, как разительный пример, представил, что мелкие чиновники канцелярии комиссии по представлению министров награждены, а действительные деятели, члены комиссии, по представлению цесаревича, оставлены без награды. На эту тему Николай Васильевич высказался с полной откровенностью. Объяснение это произвело на государя сильное впечатление, его поразило действительно тяжелое положение цесаревича, и государь объяснил, что у него не было мысли оскорбить наследника недоверием, но он стеснялся утверждать его представления, как сына и молодого еще человека, и желал пропустить их установленным порядком, чтобы не упрекали его в потворстве сыну. Конец, как сказано было выше, были поцелуи и слезы, но Николай Васильевич потребовал утверждения наших наград с правом объявить их цесаревичу не через министров, а непосредственно от своего имени. Отправлен был нарочный за представлением, которое было утверждено государем без изменения. В моих бумагах находится милостивый рескрипт цесаревича, полученный мною в это время.

<...>

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

<Письма К. П. Победоносцеву>

<Фрагменты>

<...>

984

Любезный Константин Петрович.

Мне хочется начать снова с Вами мои занятия. Предлагаю Вам следующие часы и дни: в *понедельник* от $\frac{1}{2}10$ — $\frac{1}{2}11$, во *вторник* от $\frac{1}{2}12$ — $\frac{1}{2}1$ и в *субботу* от $\frac{1}{2}12$ — $\frac{1}{2}1$. Удобны ли Вам эти часы; если нет, то прошу Вас написать мне, когда Вам удобнее. Во всяком случае, если Вы согласны на эти часы, то напишите мне, что хорошо: я должен и других преподавателей уведомить. Сегодня еще я не могу начать, потому что буду провожать пр. Датского. — Итак, до свидания в субботу.

Искренно любящий Вас

Александр.

Петербург, 1866 г.

22 ноября.

985

Цесаревич Александр.

26 ноября 1866.

Любезный Константин Петрович.

Я совершенно забыл, что сегодня будет выход по случаю георгиевского праздника¹, и поэтому, к несчастью, должен пропустить с Вами сегодняшнюю лекцию. Итак, до понедельника, и надеюсь, что в этот раз ничего не помешает. Только что вернулся с несноснейшего бала и пишу Вам в $\frac{1}{2}4$ ночи.

Искренно любящий Вас

Александр.